

Ночной ветер был прохладным. Евнух Цинь, проживший во дворце большую часть жизни, не дождавшись ответа, осторожно поднял взгляд. Его рука, которую он только что протянул Бай Цзыцину, застыла в ночном воздухе, а сам Бай Цзыцин стоял, уставившись на красные ворота главного зала.

С точки зрения евнуха Циня, глаза Бай Цзыцина были мрачны. Казалось, он провалился в бездонную пропасть, куда не проникал ни один луч света. Грудь Бай Цзыцина слегка вздымалась, он глубоко вздохнул и только тогда ответил евнуху Циню:

— Уже пришли?

— Да, уже пришли. — Евнух Цинь на мгновение замешкался, затем поправился. — Гунцзы, мы прибыли. Император всё ещё ждёт вас в зале.

Бай Цзыцин наконец протянул руку евнуху Циню и, опираясь на его поддержку, вышел из паланкина. Группа людей вошла в ворота, но не направилась прямо в главный зал, где должен был состояться пир. Бай Цзыцин всё ещё был одет в простую холщовую одежду, которую носил за пределами дворца, и использовал это как предлог, сказав евнуху Циню, что сначала переоденется, и попросил всех не следовать за ним.

— Да, рабы повинуются.

Едва он договорил, евнух Цинь остановился, поклонился на прощание, но в душе уже выставил оценку.

Бай Цзыцин действительно сначала переоделся. Сяо Цзю находился в комнате и выбрал для него длинный халат сине-зелёного цвета, подпоясанный ремнём с узором из бамбука и линчжи. Единственным украшением осталась подвеска с падубом, и всё смотрелось вполне гармонично. Бай Цзыцин позволил Сяо Цзю закатать рукава и поправить волосы у висков, не произнося ни слова.

— Гунцзы, что с вами? Устали после выхода из дворца?

— ...Нет... Вздохнуть, может быть, немного. — Бай Цзыцин долго молчал, прежде чем ответить. Он не хотел, чтобы воспоминания о прошлом портили ему настроение, ведь всё шло к лучшему, но всё же невольно вздохнул. Когда они закончили сборы и были готовы отправиться на пир, Бай Цзыцин вдруг свернул в сторону и сделал небольшой круг по заднему двору, где увидел дерево падуба, очень похожее на то, что росло перед домом в резиденции Бай.

Дерево падуба не было типичным растением для дворца, его редко можно было встретить в Императорском саду, и только здесь, в этом дворце, оно росло.

— Гунцзы, посмотрите! Император действительно заботлив! — Сяо Цзю, заметив, как Бай Цзыцин рассматривает дерево, воскликнул. — Когда днём пришло сообщение от императора, там говорилось, что пейзаж в этом дворце Сихэ — лучший во всём дворце, и только здесь растёт дерево падуба, так что это место идеально подходит для вас! Говорят, раньше здесь жила императрица.

Бай Цзыцин обернулся и холодно посмотрел на него.

— Хватит болтать, пошли.

— Что? Но это ведь вы сами захотели сюда прийти... Гунцзы, вы всегда так... каждый раз, когда

выходите из дворца, даже меня не берёте...

— Разве плохо, что я оставляю тебя во дворце охранять наши сокровища?

— Но император ведь уже давно знает о них...

— Конечно, он должен знать, иначе тебе будет плохо. — Бай Цзыцин наконец улыбнулся Сяо Цзю, а евнухи, стоявшие у дверей, поклонились ему, словно костяшки домино.

Ин Цань сидел на главном месте, и его лицо выражало недовольство.

— Ты опоздал.

— Да, да, это моя вина, я накажу себя тремя бокалами. — Бай Цзыцин прямо подошёл к нему и сел, без лишних слов налил себе вина и выпил залпом. Когда он собирался выпить третий бокал, Ин Цань наконец забрал кувшин с вином со стола. Он прищурился и спросил, что же случилось. Его вопрос прозвучал так весомо, что упрёк был адресован далеко не только Бай Цзыцину.

Увидев, как Ин Цань забрал серебряный кувшин, Бай Цзыцин перевёл взгляд на евнуха Циня, стоявшего неподалёку, и даже на Сяо Цзю, прежде чем заявить, что с ним всё в порядке, просто он не в лучшей форме. Когда Ин Цань стал расспрашивать подробнее, Бай Цзыцин сослался на то, что, прощаясь с принцессой Чанпин у ворот резиденции Бай, он почувствовал ностальгию.

Ин Цань всё ещё выглядел скептически, но не стал настаивать. Он оставил кувшин у себя и не позволил никому больше наливать вино Бай Цзыцину.

— Сегодня пир в дворце Сихэ устроен для тебя, чтобы ты не скучал в Чертоге Ганьлу. Это был сюрприз, но, похоже, ты не хочешь расставаться со мной.

— Ваше Величество, мечтать — плохая привычка, как и желание жить вечно. — Бай Цзыцин ответил почтительно, с улыбкой на лице.

— Разве ты не хочешь жить вечно?

— Не то чтобы не хочу, просто не думаю об этом. — Бай Цзыцин сказал. — К тому же, есть те, кто не позволяет мне об этом думать.

Ин Цань поднял бокал и только через некоторое время ответил:

— А знаешь, о чём я думаю?

Бай Цзыцин впервые услышал, как он называет себя императорским «Я», и приподнял бровь.

— Не знаю.

— Я думаю о том, каким был Бай Цзыцин в слухах.

Хотя до полнолуния оставалось ещё несколько дней, Бай Цзыцин после пира отказался возвращаться в Чертог Ганьлу, что выглядело вполне естественно. Ин Цань даже не стал настаивать, поговорил с евнухом Цинем и ушёл, совсем не похожий на того наглеца, каким он был несколько дней назад.

Сяо Цзю, наблюдая, как Ин Цань и его свита уходят, с тревогой спросил Бай Цзыцина, не приведёт ли это к разладу между ними.

Бай Цзыцин успокоил его.

— Мы и так никогда не были близки.

— Гунцзы, так нельзя. — Сяо Цзю налил ему чаю. — Вы только недавно вошли в доверие, и если сейчас потеряете расположение... тьфу-тьфу-тьфу, я не это имел в виду, просто хотел сказать...

— Я знаю, что ты хотел сказать. — Бай Цзыцин ответил. — Поднявшись высоко, человек больше всего боится упасть, и только те, кто находится внизу, могут без страха прыгать вниз.

— ...Что это значит?

— Это значит, что ваш гунцзы высокомерен, пренебрежителен, невежлив с правителем и строг с подчинёнными, и у него от природы нет шансов завоевать расположение.

— А вы всё равно улыбаетесь.

— ...Ты не поймёшь. — Бай Цзыцин не был большим любителем вина, и, хотя он выпил меньше трёх бокалов, он уже был пьян. Его одежда была наполовину снята, он облокотился на мягкую подушку наанмуйского стула и начал дремать, пока Сяо Цзю не разбудил его и не помог дойти до кровати.

Кровать в дворце Сихэ была не такой широкой, как в Чертоге Ганьлу, но Бай Цзыцин, завернувшись в одеяло, быстро заснул, чувствуя себя спокойно. Люди в дворце Сихэ приходили и уходили, когда он переехал сюда, после инцидента их сменили, и, за исключением Сяо Цзю, большинство из них были лишь мимолётными фигурами, не оставившими следа. Мужчинам во дворце не позволялось иметь служанок, а евнухи не были столь внимательны. Наконец, не нужно было опасаться Ин Цаня, и после беспокойной ночи на следующее утро Бай Цзыцин начал чихать и сильно кашлять.

— Позови врача. — Бай Цзыцин махнул рукой Сяо Цзю. В октябрьский осенний день его закутали в зимнюю одежду из лисьего меха, и он сидел в зале, потягивая рыбный суп.

Сяо Цзю кивнул и уже собирался выйти, как столкнулся с евнухом, пришедшим передать сообщение. Это был один из подчинённых евнуха Циня, лицо которого показалось знакомым. Сегодня, начиная с девяти утра, в зале будет проходить дворцовый экзамен, и император, зная, что гунцзы интересуется этим, специально послал сообщить, чтобы вы не опоздали.

Сяо Цзю с удивлением обернулся к Бай Цзыцину. Тот даже не изменил позы, лишь с сожалением покачал головой и ответил слегка хриплым голосом:

— Я понял. Передайте императору, что сегодня я неважно себя чувствую и, возможно, не смогу прийти. Благодарю за заботу.

— Гунцзы, может, позвать врача? — Молодой евнух, понимая, что перед ним важная персона, выразил лёгкую обеспокоенность, но в основном старался угодить.

Бай Цзыцин сказал, что уже послал за врачом, и не стоит беспокоиться, после чего Сяо Цзю проводил гостя.

В зале горел аромат сандалового дерева. В прошлой жизни он любил более дорогие благовония, но потом, когда они стали недоступны, привык к другим. Бай Цыцин опустил глаза, проводя пальцем по дну фарфоровой чаши, и мысленно поклялся, что, как только поправится, будет каждый день гулять в Императорском саду и попросит Ин Цаня найти кого-нибудь, кто научит его боевым искусствам. Не нужно было становиться мастером меча, достаточно было научиться защищаться в случае опасности. Главное — укрепить здоровье.

Помнится, в детстве принцесса Чанпин нашла ему учителя из мира бродяг, но у него не было ни желания, ни терпения, и он не хотел мешать человеку в его странствиях, так что всё закончилось, не успев начаться. Вчера Ин Цань говорил что-то о слухах, и он в ответ наговорил ерунды, мол, люди меняются, не стоит верить слухам, это ненадёжно, и только при близком общении можно узнать человека...

<http://bllate.org/book/16479/1496866>